

* * *

Я снова в Болдине. Я снова
Стою на мостике крутом,
Где дышит пушкинское слово
Над холодеющим прудом.

Я слышу шелест листопада,
Закрыв ладонями лицо.
Опять мне выпала отрада
Взойти, взойти на то крыльцо,

Откуда торопливым шагом
Он, двери распахнув в дому,
Бежал к бюро, к перу, к бумагам,
К стихам,
К бессмертью своему!..

* * *

Летит ракетой поезд
Сквозь гулкие мосты.
И кланяются в пояс
И травы, и цветы.

Налево и направо
То город, то село.
Цвети, моя Держава,
Всем недругам назло!

Твои поля бескрайны
Под синевой литой.
Опять идут комбайны
По ниве золотой.

А как звучат напевно
И шлют за валом вал
И Ладога-царевна,
И богатырь Байкал.

Ты вся — источник света,
Таящий чудеса.
Как в шубу, ты одета
И в рощи, и в леса.

Отчизна! Вновь в округе
Ликуют соловьи.

Да сгинут все недуги,
Все недруги твои!

* * *

Я в настроении вышел кручинном,
А красоты, красоты-то кругом!
Лес — Дедом-Морозом в тулупе овчинном,
Речка — Снегурочкой спит подо льдом.

Вот она, сказка, знакомая с детства.
Солнце, как лыжник, скользит по холмам.
Вот оно, зимнее наше наследство,
Много ли надо для радости нам.

Снег и мороз!.. Величаво и строго.
И — ослепительно белая гладь.
И от печали почти до восторга
Русскому сердцу рукою подать...

* * *

В ней не утонет даже кружка.
Бежит, насколько хватит сил,
Лесная тихая речушка
В тени черёмух и осин.

Над ней стеклянные стрекозы
Летают, крыльями шурша.
Её не испугают грозы,
Не страшен натиск камыша.

Стать величавой не стремится
И не ворочает камней,
Но звери местные и птицы
С любовью припадают к ней.

ТЕЛЕГА

Задыхаясь от плача, от смеха ли,
Свесив ноги почти до земли,
Быстро детство моё в ней проехало,
Только пыль золотая вдали.
Все дороги брала, все колдобины,
Все подъёмы овражные Родины.
Дух дегтярный в колёсной оси,
Дух ещё допетровской Руси.
Ах ты, сказка моя деревянная,
Доконала ведь жизнь окаянная!
Где ты ныне стоишь безлошадная,
Непочётная, ненаградная,

Выручавшая всех, семижилная,
Отставная,
забытая,
ссылная?..

* * *

Я помню ночь. Мы поднимали кружки
За дружбу в те далёкие года.
Нас приютили в низенькой избушке,
Стоящей тихо около пруда.

Склонялись густо ивы над водой,
Как лошади, застывшие пугливо.
И только с неба месяц молодой
Ласкал их непричёсанные гривы.

В нас было столько боевого духа,
Такой счастливой бодрости запас.
Хозяйка, невесёлая старуха,
Смотрела с тёплой жалостью на нас.

Она в трудах, в заботах день и ночь
Чего в судьбе своей не испытала.
А сын в тюрьме... Пропала где-то дочь...
От горя даже плакать перестала.

И мучило тогда её одно:
Неужто жизнь совсем была напрасна?..
А звёзды ярко падали в окно.
И месяц плыл. И ночь была прекрасна.

МЫ БЕЖИМ...

Василёк луговой, овсяница,
Луговые фиалки цветут...
Это всё мне теперь только снится
Как бежим мы на маленький пруд.
Мы бежим по гвоздикам и кашкам
Сквозь кузнечиков дружную звень.
Безотцовским худым замарашкам
Сколько радости в солнечный день!
Перед нами весь мир нараспашку.
Сколько неба! И птицы поют!
Жарко мне. Я снимаю рубашку.
Генка тоже снимает свою.
Мы бросаемся в тёплую воду
Два товарища, два пацана.
Нам всего по девятому году,
Защитить нас успела страна.
Кое-как накормить нас успела,

Кое-как и обуть, и одеть...
Кто-то хмыкнет пусть: «Экое дело...»
Я скажу:
«Это как поглядеть.
Это счастье: и за руки взяться
В том далёком, в незыблемом том,
И купаться в пруду, и смеяться,
И не думать, что будет потом...»

* * *

Ещё румянится заря,
Но видно, как бедна...
Златую чашу сентября
Сегодня пью до дна.

До дна! — за охладевший куст
В огне его одежд,
За то, что в нём всё меньше чувств,
И песен, и надежд.

До дна! — за то, как жили мы
Легко и нелегко.
До дна! — за то, что до зимы
Уже недалеко...

* * *

Как легко нам жилось в Кацивели!
Мы бродили повсюду без цели,
Дней грядущих мы не опасались
И, беспечные, в море купались.
О, цветущие дали Тавриды!
Где ещё есть прекраснее виды,
Где бегут, не скрываясь от взора,
Мчатся волны сюда от Босфора
К берегам, где и тавры, и греки
Жили здесь в незапамятном веке.
Ну а мы, поднимаясь по кручам,
Улыбались и солнцу, и тучам,
И обняться не раз были рады
В роще, там, где звенели цикады.
Как, наверно, в каком-то там веке
Обнимались и тавры, и греки.
Ведь бессмертна и неповторима
Здесь любовь, как величие Крыма.

* * *

Жизнь покачула свои весы
Снова в сторону света.

Снова встречаю улыбку весны
Чутким сердцем поэта.

С чистого всё начнётся листа.
Станут короче ночки.
Вон на смородине неспроста
Зримо набухли почки.

Скоро опять зацветёт сирень
Ярко, душисто, влажно.
И зазвенит соловьиная трель
Радостно и отважно.

Снова напомнят и дождь проливной,
И лепестковая вьюга:
Всё невозможней
с каждой весной
В мире нам друг без друга...

ЗОЛОТЫЕ ДОЖДИ

Полюбил он совсем не на шутку,
Как весёлое солнце — апрель.
Ах, как сладко ему и как жутко
Вспоминать этот праздничный хмель.

Но решил он, что многого стоит,
Что в плену пропадает — шалишь!
Осмелел и прошёл с другою,
Словно месяц по лезвию крыш.

Обожгла сквозь ресницы своими,
Гневно губы скривила — не жди...
В те осенние дни его имя
Замели золотые дожди.

Жизнь его замелькала по кругу,
Безнадёжно сгорали лета.
Кто ему ни протягивал руку,
«Всё не та, — понимал он, — не та...»

Есть в судьбе и загадка, и тайна.
Сколько раз нам о том говорят.
Вдруг в толпе мимолётно, случайно
Взгляд его уловил её взгляд.

Побледнела и вздрогнула разом,
Прежней встречи туманом дыша.
«Всё забыла!» — противился разум.
«Здравствуй, милый!» — кричала душа.

Но ушла. Ничего не простила.
Лишь качнула плечами — не жди...
Разве грусть от любви этой в силах
Замести золотые дожди?

ГУСИ ПРИЛЕТЕЛИ

Прилетели гуси
Снова в наши сени —
К Волге и к Тарусе,
К Ладогe и к Лене.

Гуси прилетели,
Значит, будет лето.
Видно, надоели
Южные рассветы.

Хороши там страны,
Да к себе охота —
На свои туманы,
На свои болота.

Путь их был невесел
И порой в дробинах.
Сколько грустных песен
Спето лебединых.

Пролетают смелым,
Памятным, былинным
Самым белым-белым
Лебединым клином.

Вот уж рядом где-то,
Вот всё ближе к цели...
Будет, будет лето —
Гуси прилетели.

* * *

И Польша, и Литва привстали в стремена.
Им кажется, что вновь слаба моя страна.
Им кажется, настал, настал их час
заветный,

Чтоб нанести всерьёз Москве удар
ответный.
Им помнятся пиры в святом Кремле
великом,
Как разоряли Русь в своём тщеславье
диком.

Да, оступились мы.
Не раз уже так было.
Да, предавали нас.
Да, заходили с тыла.
Но знают небеса: мы — в основанье мира.
Победной славы Русь ещё не уронила.
Ни перед кем в дугу она не гнула спину,
Об этом ли не знать Парижу и Берлину.
О, Польша...
Жаждешь быть ты лаврами увитой?
Не стать тебе, не стать вновь Речью
Посполитой,
Куражиться гульбой и дружбою неверной,
И попирать славян пятой высокомерной.
Достаточно моей стране хватало жеста,
Чтоб указать тебе своё на карте место.
Лелей, храни в душе давнишней славы
крохи
И память не теряй.
С Россией шулки плохи.

ГОРИ, СВЕЧА...

Гори чудесная свеча,
Печаль души моей леча.
В твоём свечении видней
Мне грусть и радость прежних дней.
Видней при пламени твоём,
Когда сидели мы вдвоём,
Глаза в глаза — и жизнь была
Так удивительно мила.
Я был тогда таким беспечным!
Казалось, счастье будет вечным...
Гори, свеча, светло и строго,
Ещё чуть-чуть...
Ещё немного...

От редакции. 23 сентября нашему другу, члену редколлегии журнала «Аргмак», русскому поэту Николаю Рачкову исполняется 80 лет. Сердечно поздравляем Вас, Николай Борисович, желаем здоровья, семейного благополучия и творческого долголетия!

